

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. ВЕЙМАНЪ Г.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. 5 » — »
 На полгода. 3 » 50 »
 На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Памяти **Ф. М. Достоевскаго**. **А. Толивѣрова**. — II. Малороссія. **Т. Пассекъ**. — III. **Т. Г. Шевченко**. * *. — IV. **Иванъ Купала**. **Н. Сорокинъ**.

ПАМЯТИ

ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКАГО. *)

(Родился 30 октября 1822 г., умеръ 28 января 1881 г.)

31 января утромъ, Петербургъ имѣлъ какой-то особенно праздничный видъ. По всѣмъ направленіямъ несли вѣнки, гирлянды и цвѣты. Движеніе по улицамъ было необычайное. Вся эта пестрая толпа направлялась въ маленькій переулокъ, къ скромному дому.

*) Портретъ покойнаго **Ф. М. Достоевскаго** будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ № „Грушечки“ въ продолженіи этой статьи. Ред.

Кто живетъ въ этомъ домѣ? что случилось въ немъ? почему собрались подлѣ него люди разныхъ общественныхъ положеній, возрастовъ, сословій и состояній.... Для кого предназначена эта масса вѣнковъ съ надписями: „Другу чести и правды“, „Великому учителю“, „Изъ сердца Россіи“, „Защитнику униженныхъ и оскорбленныхъ“, „Отъ студентовъ“, „Отъ женскихъ медицинскихъ курсовъ“, „Отъ мужскихъ и женскихъ гимназій“, „Отъ присяжныхъ повѣренныхъ“, „Отъ города Петербурга“, „Отъ литераторовъ“, „Отъ Дѣтей“ и другіе.

Но вотъ къ крыльцу подѣхали, подѣ малиновымъ балахиномъ, погребальныя дроги, а черезъ нѣсколько времени, съ лѣстницы послышалось пѣніе, и показался обитый золотымъ глазетомъ гробъ. Дроги отодвинули назадъ, а гробъ, обвитый гирляндой изъ лавровъ, понесли высоко надъ толпой представители литературы, искусства и воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

Изъ Кузнечнаго переулка, гдѣ жилъ покойный, процессія повернула на Владимірскую улицу; подлѣ церкви, около ограды, была пропѣта литія. Въ окнахъ, на балконахъ, на крышахъ, всюду, гдѣ было только можно, стоялъ народъ. Ъзда экипажей и конно-желѣзныхъ дорогъ была остановлена. Со всѣхъ сторонъ слышалось стройное пѣніе „Святый Боже!“ Когда процессія достигла Невскаго проспекта, толпа была такъ велика, что шествіе постоянно прерывалось.

Для многихъ эта торжественность и многолюдность похоронъ была не понятна.

Группами стоявшій народъ дѣлалъ разныя предположенія.

Въ одной группѣ говорили, что хоронятъ министра, въ другой—генерала, а въ третьей, состоявшей изъ простого народа, на вопросъ старика-крестьянина „кого хоронятъ?“ Молодой, повидимому, грамотный парень, глядя на вѣнокъ съ надписью, бойко отвѣтилъ: „Друга чести и правды“.

Да, это былъ дѣйствительно „другъ чести и правды“ и я, знавшая его лично, съ грустью въ сердцѣ берусь за перо.

чтобы въ короткихъ словахъ разсказать біографію того, кого мы только что опустили въ землю, того, чье страдальческое лицо мы только что видѣли. Спокойный, со сложенными на груди руками, онъ на долгое время останется въ памяти тѣхъ, которые перебивали въ его небольшой, небогатой квартиркѣ и проводили въ послѣднее пристанище.

А такихъ людей было много!...

Молодые люди обоего пола, старики, дѣти, знатные, богатые, бѣдные—всѣ почтили память этого труженика искренней, горячей слезой.

Въ его скромномъ жилищѣ, во время панихиды, рядомъ съ генеральскимъ мундиромъ стоялъ простолудинъ, о нуждахъ котораго покойный всегда заботился.

Защитникъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“, онъ собралъ всѣхъ воедино подлѣ своего гроба.

Эти похороны, съ десятками тысячъ людей во главѣ, не есть ли наше національное торжество! И человекъ, сошедшій въ могилу, наша національная гордость, не есть ли представитель созрѣвшаго въ душѣ русскаго народа чувства нравственной высоты!

Въ день похоронъ, 1-го февраля, та же толпа пришла поклониться ему въ послѣдній разъ, но, по недостатку мѣста, должна была остаться за оградой кладбища; въ церковь вошла только частица этой тысячной толпы.

Когда отпѣваніе было окончено, тогда депутаты, окружавшіе гробъ, съ вѣнками, направились къ выходу, чтобы занять свои мѣста на дорогѣ, гдѣ понесутъ гробъ.

Но вотъ началось движеніе... Родные и друзья, бережно взявшіеся за скобки и углы гроба, чтобы нести его къ приготовленному мѣсту, были остановлены голосами изъ толпы: „дайте на память цвѣтовъ“, говорили стоявшіе впереди, „бросьте намъ цвѣтовъ“, кричали, протягивая руки по направленію къ гробу, тѣ, которые стояли дальше.

Каждый, выходя изъ церкви, несъ вѣточку кипариса, цвѣтокъ или лавровый листокъ.

Едва снесли гробъ со ступеней церковной лѣстницы, какъ всѣ 75 вѣнковъ, превратившіе покрытую снѣгомъ дорогу въ цвѣтущую аллею, склонились надъ нимъ.

Каждому хотѣлось встать поближе и въ послѣдній разъ взглянуть на гробъ человѣка, который всю жизнь страдалъ страданіями бѣдныхъ и угнетенныхъ людей.

Нелегко было уступать его землѣ! Но вотъ онъ уже скрылся за массою вѣнковъ и толпою молодыхъ людей, которымъ онъ посвятилъ нѣсколько словъ въ своемъ послѣднемъ „Дневникѣ“, и на освѣжающія силы которыхъ такъ надѣялся... Они окружили гробъ, точно какимъ-то колоссальнымъ объятіемъ, и со слезами, тихо, бережно опустили въ землю своего „великаго учителя“.

Еще мгновенье—холодная земля упала нѣсколько разъ на крышку гроба и остановились—леденящіе звуки замѣнились теплыми словами товарища покойнаго, извѣстнаго драматурга А. И. Пальма. Онъ вмѣстѣ съ Феодоромъ Михайловичемъ и нашимъ симпатичнымъ поэтомъ А. Н. Плещеевымъ, какъ государственные преступники, были приговорены къ смертной казни въ 1849 году. Но этотъ приговоръ, произнесенный надъ ними на Семеновскомъ плацу, былъ замѣненъ работой въ рудникахъ.

„Какъ теперь вижу“, сказалъ взволнованнымъ голосомъ А. И. Пальмъ, „минуту нашего прощанья въ декабрѣ 1849 года. Онъ, бодрый, почти веселый и какой-то свѣтлый, вѣрующій, обнялъ меня и сказалъ: „до свиданья, Пальмъ, увидимся, непременно увидимся! Четыре года каторги, потомъ солдатчина, — все вздоръ, пустяки, пройдетъ; а будущее наше!“ Глаза его сверкали; прекрасная, любящая улыбка загорѣлась на его блѣдномъ, измученномъ лицѣ... Прошли многіе трудные годы и въ самомъ дѣлѣ наступило наше свиданье... О. М. опять все тотъ же бодрый, свѣтлый, вѣрующій—на литературномъ чтеніи въ пользу учащейся молодежи—шепчетъ мнѣ: „а вѣдь мы не пропали! Мало насъ, а все-таки нѣтъ, нѣтъ да и вспомнить стариковъ...“

Вѣдь вотъ же пригодились, не пропали!... “Безъ этой вѣры нѣтъ ничего прочнаго, ничего великаго. Эта вѣра въ свое душевное дѣло неизмѣнно и прямо ведетъ къ всепрощенію, къ признанію правъ въ человѣческой личности, къ полному примиренію”.

Послѣ этой рѣчи и многихъ другихъ, нашъ молодой поэтъ А. В. Арсеньевъ произнесъ слѣдующее прочувствованное стихотвореніе:

Тяжелый для Руси ударилъ смертный часъ,
И звукъ его въ сердцахъ болѣзненно отдался—
Великій человѣкъ безвременно угасъ,
Великихъ словъ потокъ безвременно прервался!

* * *

Усопшій геній нашъ! Въ душѣ своей чистѣйшей
Христовой правоты ученіе вмѣстилъ,—
И низшей братьѣ онъ, униженной, слабѣйшей,
Глаголь святой любви, участія возвѣстилъ!

* * *

Чье сердце, какъ его, любовью къ ближнимъ билось?
Кто могъ, какъ онъ, сердца на путь добра увлечь?
Предъ кѣмъ такъ, какъ предъ нимъ, все низкое таилось,
Почувявъ словъ его разящій, острый мечъ?!

* * *

Что насъ собрало здѣсь, предъ вырытой могилой,
Предъ прахомъ дорогимъ?... О, братья! этотъ часъ
Воочью показалъ съ неотразимой силой,
Что теплится любви святой огонь у насъ!

* * *

Что не померкъ въ душѣ, среди житейской смуты,
Тотъ свѣточъ правоты, что въ ней зажегъ самъ Богъ!...
О, братья! велика торжественность минуты!...
А вызвать этотъ свѣтъ—Достоевскій лишъ могъ!...

* * *

Раздвиньтесь гробы, отмѣченные славой! *)
Примите новый гробъ въ свой неподвижный рядъ!..
Въ вашъ тихій сонъ пришелъ нашъ геній величавый,
Къ кому сердца всѣхъ насъ любовью горятъ.

* * *

*) О. М. Достоевскій похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ, недалеко отъ Жуковского, Крылова, Гнѣдича, Баратынскаго и кн. Вяземскаго.

Усни же, геній нашъ! Не зависть здѣсь тебя,
 А чистая любовь сердечная хоронить!...
 Отсюда всякъ пойдетъ, въ душѣ своей скорбя,
 А здѣсь, на прахъ слезу горячую уронить!...

Послѣ похоронъ толпа долго еще не расходилась. Отъ вѣнковъ остались только проволоки да палки, на которыхъ ихъ несли. Холодный вѣтеръ на всѣ стороны разносилъ оторванные лавровые листья, ихъ тотчасъ же подбирали и бережно разносили по домамъ.

„Какое же можетъ быть счастье, если оно основано на чужомъ несчастіи“.
 Достоевскій.

Мое знакомство съ покойнымъ Ѳедоромъ Михайловичемъ произошло въ концѣ 1876 г. при совершенно неожиданныхъ обстоятельствахъ. Онъ, не зная меня лично, выручилъ меня изъ очень затруднительнаго положенія. И когда я пошла благодарить его, то онъ крайне былъ этимъ взволнованъ.

Какъ сейчасъ вижу его. Блѣдный, одѣтый въ длинно-полый темно-коричневый сюртукъ, онъ подошелъ ко мнѣ быстро, сразу, взявши за обѣ руки, сказалъ: „жалъ мнѣ васъ, но таковы условія цензуры... Надобно знать время, когда что можно и когда чего нельзя“. Посадивши меня, самъ онъ продолжалъ стоять. Мнѣ сдѣлалось какъ-то неловко сидѣть, но онъ удержалъ меня, говоря: „на меня не смотрите, я иногда не могу сидѣть“. Въ лицѣ Ѳедора Михайловича всего болѣе поражали его глаза. Они были темно-каріе, глубокіе, голова была покрыта темно-каштановыми, съ небольшою просѣдью, мягкими волосами. Впечатлѣніе, произведенное его глазами, было такъ же сильно при послѣдующихъ свиданіяхъ, какъ при первомъ. Хотя иногда они лихорадочно блестяли, иногда казались потухшими, но въ томъ и другомъ случаѣ производили равно сильное впечатлѣніе. Это происходило еще и потому, что Ѳедоръ Михайловичъ, говоря, всегда смотрѣлъ пристально въ упоръ.

Не смотря на то, что онъ не всегда былъ ровень въ об-

ращеніи, хотя всегда искренень, быть съ нимъ было какъ-то особенно хорошо.

Часто, выйдя изъ своего рабочаго кабинета, онъ какъ будто не узнавалъ посѣтителя—еле кланялся, какъ-то метался, и, при первомъ словѣ, какъ-то нервно сжималъ свои худыя, безкровныя руки. Но это было не надолго,— послѣ этого онъ или уходилъ, ссылаясь на спѣшную работу, или, если уже оставался, то выслушивалъ разговоръ до конца съ чувствомъ полного, теплаго участія. На вопросы онъ отвѣчалъ всегда прямо, искренно.

Но занявшись моимъ личнымъ воспоминаніемъ, я невольно отдалилась отъ біографіи покойнаго.

Изъ того немногого, что намъ извѣстно о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ, видно, что его родители были помѣщики, отецъ по профессіи докторъ. Первое свое воспитаніе Ѳедоръ Михайловичъ получилъ въ Москвѣ въ пансіонѣ Чермакъ, затѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ, нѣкоторое время приготовлялся у капитана Костомарова,—отъ него поступилъ въ главное инженерное училище, гдѣ и окончилъ курсъ.

О раннемъ дѣтствѣ его извѣстно немного изъ его личныхъ воспоминаній въ „Дневникѣ Писателя“.

„Былъ второй день Свѣтлаго праздника“, рассказываетъ Ѳедоръ Михайловичъ. Въ воздухѣ было тепло, небо голубое, солнце высокое, „теплое“, яркое, но въ душѣ моей было очень мрачно. Я скитался за казармами, смотрѣлъ, отсчитывая пали крѣпкаго острожнаго тына, но и считать мнѣ ихъ не хотѣлось, хотя было въ привычку. Другой уже день по острогу „шелъ праздникъ“. Воротясь въ казарму, я пробрался на свое мѣсто, противъ окна за рѣшеткой, и легъ навзничъ, закинувъ руки за голову и закрывъ глаза. Я любилъ такъ лежать, къ спящему не пристануть (въ острогѣ происходили ужасныя драки), а межъ тѣмъ можно лежать и думать.

Мало по малу я и впрямь забылся и непримѣтно погрузился въ воспоминанія. Во всѣ четыре года каторги, я вспоминалъ безпрерывно все мое прошедшее и, кажется, въ вос-

поминанiяхъ пережилъ всю мою прежнюю жизнь снова. На этотъ разъ, мнѣ вдругъ припомнилось почему-то одно незамѣтное мгновенiе изъ моего перваго дѣтства, когда мнѣ было всего девять лѣтъ отъ роду,—мгновенье, казалось бы, мною совершенно забытое; но я особенно любилъ тогда воспоминанiя изъ самаго перваго моего дѣтства.

Мнѣ припомнился августъ мѣсяць въ нашей деревнѣ, день сухой и ясный, но нѣсколько холодный и вѣтренный. Я прошелъ за гумна и, спустившись въ оврагъ, прошелъ до самой рощи. И вотъ я забился гуще въ кусты и слышу, какъ недалеко, шагахъ въ тридцати, на полянѣ, одиноко пашеть крестьянинъ. Я знаю, что онъ пашеть круто въ гору и лошадь идетъ трудно и до меня изрѣдка долетаютъ его крики: „ну-ну“! Вдругъ среди глубокой тишины, я отчетливо и ясно услышалъ крикъ: „волкъ бѣжить“! Я вскрикнулъ и внѣ себя отъ испуга, крича въ голосъ, выбѣжалъ на поляну, прямо на пашущаго крестьянина. Это былъ нашъ крестьянинъ Марей. Онъ даже остановилъ кобыленку, заслышавъ крикъ мой, и когда я, разбѣжавшись, уцѣпился одной рукой за его соху, а другою за его рукавъ, то онъ разглядѣлъ мой испугъ.

— Волкъ бѣжить! прокричалъ я, задыхаясь.

— Онъ вскинулъ голову и невольно оглянулся кругомъ, на мгновенье почти мнѣ повѣривъ.

— Гдѣ волкъ?

— Закричалъ... Кто-то закричалъ сейчасъ: „волкъ бѣжить...“ пролепеталъ я.

— Что ты, что ты, какой волкъ, померещилось; вишь! Какому тутъ волку быть! бормоталъ онъ. Ишь, вѣдь испужался, ай-ай! качалъ онъ головой.—Полно, родной. Ишь, малецъ, ай! Онъ протянулъ руку и вдругъ погладилъ меня по щекѣ.

— Ну, полно же, ну, Христось съ тобой, окстись. Но я не крестился; углы губъ моихъ вздрагивали, и, кажется, это особенно его поразило. Онъ протянулъ тихонько свой тол-

стый, съ чернымъ ногтемъ, запачканный палецъ и тихонько дотронулся до вспрыгивавшихъ моихъ губъ.

— Ишь, вѣдь, ай, улыбнулся онъ мнѣ какою-то материнскою длинною улыбкой, Господи, да что это? ишь, вѣдь, ай, ай!

Я понялъ, наконецъ, что волка нѣтъ и что мнѣ крикъ: „волкъ бѣжить“ померещился.

Крикъ былъ, впрочемъ, такой ясный и отчетливый, но такіе крики (не объ однихъ волкахъ) мнѣ уже разъ или два и прежде мерещились и я зналъ про то. (Потомъ, съ дѣтствомъ, эти галлюцинаціи прошли).

— Ну, я пойду, сказала я, вопросительно и робко смотря на него.

— Ну, и ступай, а я-же восплѣдъ посмотрю, ужъ я тебя волку не дамъ! прибавилъ онъ, все также матерински мнѣ улыбаясь,—ну, Христось съ тобой, ну, ступай, и онъ перекрестилъ меня рукой и самъ перекрестился. Я пошелъ, оглядываясь назадъ почти каждые десять шаговъ.

А. Голивѣрова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАМЯТИ

ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВ-
СКАГО. *)

(ОКОНЧАНИЕ).

ЕМЬЯ Федора Михайловича состояла изъ отца, матери, четырехъ братьевъ и трехъ сестеръ. Отецъ былъ человѣкъ умный, образованный, очень любилъ жену, дѣтей, самъ занимался воспитаніемъ сыновей и держалъ ихъ очень строго. Мать была женщина кроткая и любящая, вся ея жизнь принадлежала дѣтямъ. Она умерла очень молодой, отецъ съ горя лишился разсудка, и чрезъ два года послѣ нея умеръ.

По словамъ В. М. Ивановой, Федоръ Михайловичъ ребенкомъ былъ чрезвычайно рѣзовъ и слылъ въ семействѣ „буяномъ“. Онъ придумывалъ всевозможныя шалости, первый же въ нихъ попадался. Но попавшись никогда не отрекался отъ нихъ. Правдивость составляла отличительную черту его характера. Въ дѣтствѣ онъ очень любилъ деревню и ея тишь. Когда оканчивались каникулы, онъ съ сожалѣніемъ уѣзжалъ въ городъ, не потому чтобы не любилъ занятія, напротивъ онъ учился съ большой охотой, но въ городѣ не было ни той липовой аллеи, которую онъ такъ любилъ въ своей деревнѣ, ни лѣса, гдѣ онъ, забившись въ чащу съ книгою въ рукахъ, проводилъ цѣлые дни. Тульская деревня ихъ „Даровая“, гдѣ проходило дѣтство Федора Михайловича, состояла изъ 250 десятинъ и барской усадьбы.

*) Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ дѣтства и юности Федора Михайловича обязательно доставлены намъ Вѣрой Михайловной Ивановой, сестрой Федора Михайловича, и другомъ его юности Д. В. Григоровичемъ.

Она принадлежала его отцу. Мать его была изъ купеческаго званія.

Въ 1878 г. *Ө. М.* посѣтилъ Даровую, собралъ всѣхъ крестьянъ, знавшихъ его ребенкомъ и вмѣстѣ съ ними обошелъ всѣ тѣ мѣста, которыя такъ любилъ въ ребячествѣ. Съ крестьянами онъ встрѣтился, *) какъ съ старыми любимыми друзьями, — о чемъ только они не переговорили. И замѣчательно! Онъ понималъ ихъ, и они его понимали.

Помню я, говорила *В. М. Иванова*, какъ десять лѣтъ тому назадъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ погостить. У меня много дѣтей, *Ө. М.* очень любилъ ихъ, какъ и вообще онъ любилъ дѣтей. Въ ихъ обществѣ, измученный жизнью и болѣзнями, онъ самъ дѣлался ребенкомъ. Игралъ съ ними въ жгуты, устраивалъ имъ театры и самъ появлялся въ роли Гамлета. Точно сейчасъ гляжу на него, говорила *В. М.*, какъ онъ, одѣвшись бѣлымъ медвѣдемъ, ходилъ на четверенькахъ по комнатѣ и дѣти, сидя на воображаемыхъ льдинахъ (бѣлыхъ табуретахъ), изображали несчастныхъ путешественниковъ затертыхъ льдами. Какіе неистовые крики наполняли комнату при появленіи этого страшнаго медвѣдя. Медвѣдь бросался на нихъ и цѣлуя сжималъ въ своихъ объятіяхъ.

По выходѣ изъ пансіона Чермака, замѣчательнаго тѣмъ, что воспитанники выносили изъ него большія литературныя познанія, *Ө. М.*, которому было тогда около пятнадцати лѣтъ, вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ, поѣхалъ опредѣляться въ главное инженерное училище. Ихъ сопровождалъ отецъ.

— Помню, говоритъ *Ө. М.*, „какъ надоѣло намъ, подъ конецъ, это путешествіе, продолжавшееся почти недѣлю. Мы съ братомъ стремились тогда въ новую жизнь, мечтали обо всемъ „прекрасномъ и высокомъ“. Оба мы отлично знали все, что требовалось къ экзамену изъ математики, но мечтали только о поэзіи и поэтахъ. Братъ писалъ стихи, и даже дорогой, а я сочинялъ романъ изъ Венеціанской жизни“.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, *Ө. М.* поступилъ въ главное инженерное училище, гдѣ болѣе всѣхъ сошелся съ *Д. В. Григоровичемъ*.

Вскорѣ по поступленіи *Өедора Михайловича* **) въ училище, около него образовался кружокъ, въ которомъ онъ

*) Сообщено *В. М. Ивановой*.

**) Сообщено *Д. В. Григоровичемъ*.

отличался отъ другихъ своей начитанностью. Его любимыми писателями тогда были: Куперъ и Вальтеръ-Скоттъ. Сосредоточенный въ самомъ себѣ, В. Д. нелегко сходилъ съ товарищами. Но едва поднимался интересовавшій его вопросъ, какъ онъ мгновенно точно перерождался, и его слова лились шумнымъ потокомъ.

Свободное отъ занятій время онъ проводилъ въ чтеніи.

Сойдутся бывало двое или трое: „а не почитатать ли намъ, господа, Гоголя“!—салятся и читають, пожалуй, всю ночь.

По окончаніи курса въ инженерномъ училищѣ, **Ө. М.** поступилъ на службу. Но не чувствуя влеченія къ этой карьерѣ, вышелъ въ отставку, взялся за перо и въ 1845 г. написалъ свою первую повѣсть—„Бѣдные Люди“.

— Писалъ я ихъ, говорилъ онъ, почти со слезами—не довѣряя своимъ силамъ, „всѣ этѣ минуты, которыя я пережилъ съ перомъ въ рукахъ, неужели миражъ, ложь, невѣрное чувство“.

Когда повѣсть была кончена, онъ сказалъ объ этомъ Григоровичу, который тогда уже выступилъ на литературное поприще съ своими „Петербургскими Шарманщиками“. Григоровичъ посовѣтовалъ ему отнести повѣсть къ Некрасову.

Когда **Ө. М.** вошелъ къ Некрасову и они пожали другъ другу руки,—онъ передалъ ему свою повѣсть, и такъ сконфузился, что, не сказавши съ Некрасовымъ ни слова, поспѣшилъ уйти.

— Вечеромъ того же дня, говоритъ **Ө. М.**, какъ я отдалъ рукопись, пошелъ къ одному изъ прежнихъ товарищей; мы всю ночь проговорили съ нимъ о „Мертвыхъ Душахъ“ и читали ихъ, въ которой разъ не помню. Воротился я домой уже въ четыре часа, въ бѣлую, свѣтлую, какъ день, петербургскую ночь. Войдя къ себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ у окна. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ Григоровичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня въ совершенномъ восторгѣ, и оба чуть сами не плачуть. Они наканунѣ вечеромъ воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать, на пробу: „съ десяти страницъ видно будетъ“. Но прочтя десять страницъ, прочли еще десять, а затѣмъ не отрываясь, просидѣли уже всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь когда одинъ

уставаль. Когда они кончили, то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ немедленно: „что-жъ такое что спить, мы разбудимъ его, это выше сна“.

Просидя у него не болѣе получаса, они успѣли переговорить о многомъ, а главное о Бѣлинскомъ, и уходя сказали: „Ну теперь спите, а завтра къ намъ“.

— Точно я могъ заснуть послѣ нихъ! продолжаетъ Ѳ. М. Какой восторгъ, какой успѣхъ, а главное чувство было дорого, помню ясно: у иного успѣхъ,—ну, хвалятъ, встрѣчаютъ, поздравляютъ, а вѣдь эти прибѣжали со слезами, въ четыре часа, разбудить, потому что это выше сна... Ахъ, хорошо!

Уходя, Некрасовъ обѣщаль снести рукопись къ Бѣлинскому на другой же день.

— Новый Гоголь явился! закричалъ Некрасовъ, входя къ Бѣлинскому съ „Бѣдными людьми“.

— У васъ Гоголи-то какъ грибы растутъ, строго замѣтилъ Бѣлинскій, но рукопись взялъ.

На третій день Ѳ. М. привели къ Бѣлинскому, котораго онъ называль „страшнымъ критикомъ“. Бѣлинскій приняль его важно и сдержанно. „Что-жъ, оно такъ и надо, замѣчаетъ Достоевскій, но не прошло и минуты какъ все преобразилось: важность была не великаго критика, встрѣчающаго двадцатидвухъ-лѣтняго писателя, а уваженіе къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ торопился мнѣ сказать. „Да вы понимаете-ль сами-то, заговорилъ Бѣлинскій пламенно съ горящими глазами—что это вы такое написали? Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать, но осмыслили-ли вы сами, въ ваши двадцать лѣтъ, всю эту страшную правду, на которую вы намъ указали? Да вѣдь этотъ вашъ несчастный чиновникъ — вѣдь онъ до того заслужился и до того довелъ себя уже самъ, что даже и несчастнымъ-то себя не смѣетъ почестъ отъ приниженности и считаеть почти за вольнодумство малѣйшую жалобу, даже признаніе права на несчастье“...

„Я вышелъ отъ него въ упоеніи“, говорилъ Ѳ. М. Я всемъ существомъ своимъ ощущаль, что въ жизни моей произошелъ торжественный моментъ, переломъ на вѣки, что началось что-то совсѣмъ новое, но такое, чего я и не предполагаль тогда даже въ мечтахъ моихъ. Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни.

Когда въ началѣ 1846 года повѣсть была напечатана, Бѣлинскій высказалъ слѣдующее: „Талантъ Достоевскаго принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые постигаются и признаются не вдругъ. Много, въ продолженіи его поприща, явится талантовъ, которыхъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы“.

Въ теченіи трехъ лѣтъ отъ появленія „Бѣдныхъ людей“ Э. М. написалъ повѣсти: „Двойникъ“, „Господинъ Прохарчинъ“ „Нечочка Незванова“ и „Хозяйка“, и затѣмъ въ продолженіи десяти лѣтъ онъ молчалъ.

Его работа перомъ замѣнилась каторжной работой.

Закованный въ кандалы, онъ то разбиралъ барки, которыя за ненадобностью должны были идти на дрова, то цѣлый день вертѣлъ тяжелое точильное колесо, то таскалъ на спинѣ кирпичи „Сначала я могъ носить только по восьми, а тамъ дошелъ и до пятнадцати“.

Зимой, послѣ выюги, онъ, вмѣстѣ съ своими товарищами по несчастью, разгребалъ сугробы.

Живя среди людей отверженныхъ обществомъ, Федоръ Михайловичъ, отыскивая въ нихъ живую душу, первый выступилъ ихъ защитникомъ и сказалъ:

„Всякій, кто бы онъ ни былъ и какъ бы онъ ни былъ униженъ, хоть инстинктивно, хоть безсознательно, а все-таки требуетъ уваженія къ своему человѣческому достоинству. Арестантъ самъ знаетъ, что онъ арестантъ, отверженецъ, и знаетъ свое мѣсто передъ начальствомъ, но никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что онъ человѣкъ, слѣдовательно и обращаться съ нимъ надобно по-человѣчески. Боже мой! да человѣческое обращеніе можетъ очеловѣчить даже такого, на которомъ давно потускнѣлъ образъ Божій“.

Между арестантами Э. М. полюбилъ одного молодого татарина. Открытое прекрасное лицо Алея, такъ звали татарина, привлекло къ нему Э. М.

Алей по приказанію своего старшаго брата *) участвовалъ въ убійствѣ и ограбленіи одного армянскаго кушца, за

*) Уваженіе къ старшимъ въ семьѣ горцевъ такъ велико, что они не имѣютъ права ослушаться.

V. L. Gornobekov

что его судили и сослали въ Сибирь въ каторжныя работы.

„Трудно себѣ представить, говорить Достоевскій, какъ этотъ молодой человѣкъ сохранилъ мягкость сердца и такую честность, что всякая несправедливость поступка зажигала огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ“.

Любознательность Алея такъ заинтересовала Θ . М., что онъ предложилъ ему учиться читать. Съ увлеченіемъ принялся онъ за свои уроки; и въ нѣсколько недѣль выучился превосходно читать.

Разъ они прочли нагорную проповѣдь и когда Θ . М. спросилъ его, что ему болѣе всего нравится, онъ отвѣтилъ:

— А гдѣ Онъ говоритъ: прощай, люби, не обижай, и враговъ люби.

Въ какихъ нибудь два мѣсяца Алея выучился прекрасно писать.

Передъ выходомъ изъ острога, Алея завелъ Θ . М. за казарму, тамъ бросившись къ нему на шею, зарыдалъ.

— Ты для меня столько сдѣлалъ, говорилъ онъ прощаясь, столько сдѣлалъ, что отецъ мой, мать бы столько не сдѣлали; ты меня человѣкомъ сдѣлалъ.

Долго тянулось для Θ . М. время. Лѣтомъ работа какъ-бы сокращала его, „а зимой, въ сумрачный день смотрѣть на рѣку и противоположный берегъ было тяжело. Что-то тоскливое надрывающее сердце было въ этомъ дикомъ пустынномъ пейзажѣ. Но чуть ли не тяжелѣй, когда на безконечной бѣлой пеленѣ снѣга ярко сіяло солнце; такъ бы и улетѣлъ куда нибудь, въ степь, которая начиналась на другомъ берегу и растилалась къ югу непрерывной скатертью, тысячи на полторы верстъ“.

Въ зимніе вечера, Θ . М. чинилъ свое обтертое носкою тяжестей платье, а изъ обносковъ онъ шилъ одѣяло. Одиночество осужденныхъ раздѣляли: собаки Шарикъ, Бѣлка и Культяпка, которую Θ . М. принесъ съ работы щенкомъ. Ее кто-то переѣхалъ телѣгой. Эта несчастная Культяпка была его любимицей. Но что за видъ была у нея! Спина вогнута, одно ухо росло внизъ, другое вверхъ, въ длину и ширину она была больше чѣмъ въ вышину. Кромѣ собакъ у нихъ были козель Васька, да степной орель. Орла никакъ не могли приручить, онъ все рвался въ степь.

— Вѣстимо, птица степная, суровая, говорили аре-

станты, и въ одинъ прекрасный день рѣшили отпустить его на волю и сбросили съ вала въ степь. Орель, махая большимъ крыломъ, поднялся прямо (онъ былъ къмъ-то принесенъ израненымъ), какъ бы торопясь скрыться у нихъ изъ глазъ.

Но вотъ и для **Ө. М.** наступилъ срокъ освобожденія. Наканунѣ онъ обошелъ въ послѣдній разъ около палъ весь острогъ, мысленно прощался съ почернѣлыми бревенчатыми срубамъ казармъ, и много рукъ протянулось къ нему привѣтливо. Потомъ, въ сопровожденіи унтеръ-офицера, онъ пошелъ въ кузницу, — тамъ упали съ него кандалы.

Өедоръ Михайловичъ вступилъ въ новую жизнь бодрый духомъ, но съ разстроеннымъ здоровьемъ — у него образовалась падучая болѣзнь.

Въ 1860 году **Ө. М.** выступилъ съ замѣчательнымъ произведеніемъ „Униженные и Оскорбленные“, а въ 1867 г. онъ издаетъ „Записки изъ Мертваго Дома“, а въ 1867 пишетъ новый романъ „Преступленіе и Наказаніе“. Всѣ они могутъ считаться перлами нашей отечественной литературы. Въ 1876 и 1878 г. **Ө. М.** издавалъ свой „Дневникъ Писателя“.

Въ послѣднемъ „Дневникѣ“ онъ высказалъ свои надежды на юношество. Я потому, говорилъ онъ, такъ надѣюсь на молодежь, что она тоже страдаетъ „исканіемъ правды“ и тоской по ней. Дѣти также находили въ немъ своего защитника. Жестокое и несправедливое обращеніе съ ними вызывало въ душѣ Достоевскаго страшное негодованіе.

— А знаете-ли вы, говорилъ **Ө. М.**, что такое оскорбить ребенка? Сердца ихъ полны любовью невинною, почти бессознательною, удары вызываютъ въ нихъ горестное удивленіе и слезы. Вѣдь ихъ разумъ никогда не въ силахъ понять всей вины своей. Видали ли вы, или слыхали ли о мучимыхъ маленькихъ дѣтяхъ, ну хоть о сироткахъ въ иныхъ чужихъ семьяхъ? Видали-ли вы когда ребенокъ забьется въ уголь, чтобы его не видали, и плачетъ тамъ ломая ручки, и ударяя себя крошечнымъ кулачкомъ въ грудь, не зная самъ, что онъ дѣлаетъ, не понимая хорошо ни вины своей, ни за что его мучаютъ, но слишкомъ чувствуя, что его не любятъ?

Бѣдные и брошенныя дѣти вызывали въ его сердцѣ самое теплое чувство участія. Кто не помнитъ его „Мальчика у Христа на елкѣ“? Этотъ маленькій фантастическій рассказецъ навѣялъ на него одинъ бѣдный мальчикъ, котораго онъ встрѣтилъ наканунѣ Рождества, стоящимъ подлѣ окна магазина, гдѣ горѣла роскошная елка. Онъ, не смотря на жестокой морозъ, былъ одѣтъ почти по лѣтнему и просилъ милостыню. Вотъ какую грустную картину этой встрѣчи набрасываетъ художникъ психологъ въ своемъ рассказѣ „У Христа на елкѣ“.

„Мерещится мнѣ, былъ мальчикъ, еще очень маленькій. Этотъ мальчикъ проснулся утромъ въ сыромъ, холодномъ подвалѣ. Дыханіе его вылетало бѣлымъ паромъ, и онъ сидя въ углу на сундукѣ, отъ скуки нарочно пускалъ этотъ паръ изо рта и забавлялся, смотря какъ онъ вылетаетъ. Но ему хочется ѣсть, онъ съ утра нѣсколько разъ подходилъ къ нарамъ, гдѣ на тонкой, какъ блинъ подстилкѣ и на какомъ то узлѣ подъ головой лежала больная мать его.

Напиться-то онъ гдѣ то досталъ въ сѣняхъ, но корочки ни гдѣ не нашель, въ десятый разъ уже подходилъ онъ разбудить мать свою—спить. Жутко стало мальчику въ темнотѣ: давно начался вечеръ, а огня не зажигали. Ощупавъ лицо матери, онъ подивился, что она не двигается и холодна какъ стѣна. „Очень ужъ здѣсь холодно“, подумалъ онъ, постоялъ немного, бессознательно, забывъ свою руку на плечѣ покойницы, потомъдохнулъ на свои пальчики, чтобъ отогрѣть ихъ, и вдругъ нашаривъ на нарахъ свой картузишко потихоньку, ощупью, вышелъ изъ подвала.

Долго бродилъ голодный мальчикъ по улицамъ. Но вотъ онъ дошелъ до одной большой улицы, ѣзда на ней страшная. мальчикъ боится, чтобы его не раздавили, онъ всталъ въ сторону и вдругъ его освѣтило. „Ухъ какое большое стекло“, а за стекломъ комната, а въ комнатѣ дерево до потолка; это елка, а на елкѣ сколько огней, сколько золотыхъ бумажекъ и яблоковъ, а кругомъ куколки, маленькія лошадки, а по комнатѣ бѣгаютъ дѣти нарядныя, чистенькія, смѣются и играютъ и ѣдятъ, и пьютъ что-то. Глядитъ мальчикъ, дивится и смѣется. И вдругъ вспомнилъ и почувствовалъ мальчикъ про то, что у него на рукахъ и ногахъ болятъ пальчики, заплакалъ и побѣжалъ дальше. Снова видитъ за стек-

ломъ елку. Подкрался мальчикъ, отворилъ вдругъ дверь и вошелъ. На него закричали, замахали, чтобы ушелъ. Одна барыня сунула ему въ руку копѣчку и отворила ему поскорѣе дверь на улицу. А копѣчка тутъ же выкатилась и зазвенѣла по ступенькамъ: не могъ онъ согнуть свои красные пальчики и удержать ее. Въ это время проходили мимо его какой-то мальчикъ, треснулъ его по головѣ, сорвалъ картузь, а самъ снизу поддалъ подъ ножку.

Бѣдный мальчикъ упалъ на землю — тутъ закричали, онъ испугался и пустился бѣжать, забѣжалъ самъ не знаетъ куда въ подворотню, на чужой дворъ, — и присѣлъ за дровами. Сидя за дровами ему показалось, что ручки и ножки вдругъ перестали болѣть и стало такъ тепло, такъ тепло, какъ на печкѣ, вотъ онъ весь вздрогнулъ: ахъ, да вѣдь онъ было заснулъ! Вдругъ ему послышалось, что надъ нимъ запѣла его мать пѣсенку. Мама, я сплю, ахъ какъ тутъ спать хорошо! и онъ протянулъ руку. О, какая елка! Да и не елка это, онъ и не видалъ еще такихъ деревьевъ! Гдѣ это онъ теперь: все блеститъ, все сіяетъ и кругомъ все куколки, — но нѣтъ, это все дѣти, всѣ они цѣлуютъ его, берутъ его, несутъ и самъ онъ летитъ, и видитъ онъ: смотритъ его мать и смѣется на него радостно.

— Мама! Мама! Ахъ, какъ хорошо тутъ, мама! „Кто 'вы дѣти“? спрашиваетъ онъ, смѣясь радостно.

— Это „Христова елка“, отвѣчаютъ они ему.

На утро, дворники нашли маленькій трупикъ забѣжавшаго и замерзшаго за дровами мальчика; розыскали и его мать... Та умерла еще прежде его“...

Умеръ и нашъ незабвенный Федоръ Михайловичъ, оставя послѣ себя двоихъ дѣтей, которымъ онъ, за нѣсколько минутъ до смерти, завѣщалъ: быть честными, добрыми, любить свою мать и помогать бѣднымъ.

А. Голивірова.

